

КНИГИ ЮЛИИ ЕФИМОВОЙ
УЖЕ ОЦЕНИЛИ БОЛЕЕ
30 ТЫСЯЧ ЧИТАТЕЛЕЙ!

РУССКАЯ ТАЙНА КАЗАНОВЫ

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

ЛИРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Юлия Сергеевна Ефимова

Русская тайна Казановы

Серия «Лирический детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65924745

Русская тайна Казановы: SelfPub; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-145352-7

Аннотация

«Жизнь порой бывает несправедлива», – думал Янис, сидя в чужом саду на дереве. Несправедливость, по его мнению, заключалась в том, что непредвиденные обстоятельства вынудили молодого человека сидеть голым под палящим солнцем, раздражая яркими красными носками двух свирепых ротвейлеров. Однако он был неправ: именно с этого дерева и начнется новая страница в жизни. Круговорот событий вихрем окружит Яниса и заставит поучаствовать в переплетении чужих судеб. Разоблачение семейных тайн, предательство любимого человека, путешествие в Россию знаменитого венецианца Джакомо Казановы – запутанные ребусы, требующие разгадки. Перевернув все с ног на голову, судьба подарит ему нечто другое. То, о чем он даже не смел мечтать.

Содержание

Санкт-Петербург. 22 декабря 1764 г., 09:24	18
Бал-маскарад в Зимнем дворце.23 декабря 1764 г	33
Москва. Май 1765 г	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юлия Ефимова

Русская тайна Казановы

© Ю. Ефимова, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

– Тебе снятся цветные сны? – спрашивает меня Казанова.

– Конечно, – отвечаю я ему, – вот ты сейчас одет в зеленый камзол.

– Это хорошо, – вздыхая, радуется он за меня, – цветные сны снятся только тем людям, которые в ладу со своей душой. Хочешь, расскажу, почему я не вижу цветных снов?

– А ты правда Казанова? – недоверчиво спрашиваю я.

– Я не знаю, – отвечает он, – я давно себя забыл, но эта история почему-то не забывается, и мне очень трудно ее хранить.

– А она правдива? – интересуюсь я, перед тем как начать записывать рассказ венецианца.

– Иногда мне кажется, что истина, а иногда, что вымысел. Бывают же времена, когда я почти уверен, что это плод моего воображения.

Я стала быстро записывать за Казановой странную историю его путешествия в далекую и такую странную для него

Россию и поняла, что он все это придумал, лишь бы привлечь мое внимание, которого ему сейчас так не хватает. Хотя имя великого покорителя женских сердец навсегда осталось в веках, но любви, о которой он мечтал всю свою жизнь, ему так и не досталось. Так что и ты, читатель, не верь этой истории, потому как выдумщику Казанове немного помогла и я, украсив его рассказ своими фантазиями.

* * *

Он был действительно в одних носках, в полном и таком нелепом смысле этого слова. Ротвейлеры в количестве двух штук исходили лаем у дерева, а у Яниса Леппика вся жизнь пробежала перед глазами.

Ян был умным с детства – возможно, гены сыграли свою роль, оба родителя могли часами хвастаться своими достижениями в науке, а возможно, у него просто не было выбора, потому что так было надо. В семье школа вообще не считалась за учебу, так, мелочи жизни. «Вся учеба, сынок, начинается после, в библиотеках, дополнительных занятиях и саморазвитии», – говорила ему мама, тыкая при этом пальцем в его старших братьев, которые просто не отрывались от учебников и компьютера. Ему же всегда хотелось другого, хотелось праздника, внимания девочек и, возможно, даже обожания. Когда однажды он решил поделиться этими мыслями с мамой, то увидел на ее лице разочарование. «Эх, – вздох-

нула тогда строгая родительница, – говорили мне, нельзя рожать после сорока, возможен брак», – сказала она больше себе, чем Янису. Умная женщина, кандидат наук не подумала тогда, что маленькому мальчику с этой фразой придется жить дальше.

Каждый божий день начинался и заканчивался тем, что Ян доказывал, что способен хорошо учиться, в душе же знал точно, что он не такой, как его братья. Янис, словно прокаженный, боялся, что люди заметят это, и с еще большим усердием шел к своей мечте. Цель же заключалась в том, чтобы любыми способами доказать родителям, что он не брак.

Ян это сделал, вот только оценить его успехи уже никто не мог. Он был поздним ребенком, и когда к нему пришли удача, деньги и большие возможности, родителей уже не было в живых и признать, а вернее, опровергнуть страшную версию никто уже не мог. От невозможности реального подтверждения, что его можно любить, а еще из-за того, что он шел к своей цели, не расплескаясь на личную жизнь, в каждой девушке Ян видел хищницу. Подозревая, что им нужны только деньги, а не он сам, ведь его любить не за что – он брак, Янис стал защищать себя, построив глухую стену надменности и высокомерия, потихоньку забывая, какой он на самом деле. От этого душа стала черстветь и иногда тихо ныть по ночам, по-прежнему так нуждаясь в любви.

К слову, его братья, которыми так гордились родители, в отличие от Яниса ничего не достигли, продолжая равнодуш-

но и безамбициозно просиживать штаны в своих научных институтах. Но порядок вещей изменить уже было невозможно — Ян так и остался браком, несмотря на его огромное сопротивление данной версии. Те же, кто мог изменить статус-кво, были уже на небесах, и похвастаться, а тем более услышать восхищение в свой адрес было не от кого.

Правда, сейчас, сидя на дереве в чужом саду и имея на себе из одежды лишь одни носки, Ян заметил, как в его голове впервые промелькнула шальная мысль: а может быть, родители были не так уж и не правы. Может, он и вправду брак.

* * *

Это было не фиаско, это был полный провал. Хотя и это выражение слишком мягкое — это была катастрофа. Кира шла по улице и задыхалась от слез. Они стояли везде: в горле, в носу, в сердце и, главное, в душе. Они наполняли ее изнутри и вытесняли все остальные чувства, например стыд. Правильная девочка Кира никогда не позволила бы себе реветь и, размазывая тушь, вышагивать по летнему парку. Горожане, решившие заняться спортом, собачники и другие посетители парка, коих в столь ранний час сюда занесла судьба, с любопытством поглядывали на нее. Всех, конечно, разбирал жгучий интерес, что же случилось у девушки, и многие даже, скорее всего, строили разнообразные версии, но подойти все же никто не решился. Сказывалось наше безразличное вре-

мя, оно принесло в общество равнодушие и стойкое знание, что нельзя лезть в чужую жизнь – это табу для современного индивида. Человек человеку волк, как говорится. Поэтому даже самые любопытные не рискнули поинтересоваться, что же случилось у девушки.

Кире же, как ни странно, сейчас очень хотелось, чтобы кто-нибудь сделал именно так – не по правилам, а от души. Ее преисполняло желание рассказать постороннему человеку, словно случайному попутчику в поезде, все, что накопилось в жизни. Все, что она сейчас так горько оплакивала. Эмоционально поведать о том, что все было хорошо, а потом стало резко плохо. Стоп. Кира словно прозрела и, перестав навзрыд рыдать, села на ближайшую свободную лавочку, теплую от утреннего летнего солнца. Не бывает так: все хорошо, а потом резко плохо. Все, кто так говорит, лгут, а Кира решила больше никогда не врать самой себе. Достав маленькое зеркальце и вытирая потекшую тушь, она первый раз сказала себе правду: все было плохо уже давно. Все к этому шло, постепенно набирая обороты грязи, в которую Кира погружала себя самостоятельно, так сказать, на добровольных началах. Она сама в последнее время выдумывала Савелию оправдания, даже не загружая его такими мелочами. В конце концов должно было случиться именно так, как сегодня утром. В голову опять полезли воспоминания о тех моментах, когда им вдвоем было хорошо, ведь они были, были, были. Слезы заблокировали дыхание, и, боясь задохнуться,

Кира решила перевести мысль в другую сторону. Она оказалась не менее трагической, но не такой жестокой. Вот почему именно сегодня? Что это? Чем Кира так провинилась перед Богом? Нет, конечно, она знала, что не святая, и грешки свои все помнила и стыдилась их периодически, но зачем так жестоко?

Сегодня они должны были лететь на свадьбу к ее младшей сестре. Эта выскочка решила не ждать старшую и выпрыгнуть замуж в двадцать лет. Да за кого – за молодого бизнесмена, мясного короля, имеющего в собственности три огромные фермы, два завода и множество магазинов с дурацким названием «Бычка хотите», и это даже не потому, что там продавалось мясо, так креативный будущий родственник решил прославить свою незвучную фамилию Бычков. В общем, родители и вся большая родня были в восторге от будущего зятя и лишь тяжело вздыхали при виде Киры, глубоко и как-то уж слишком нарочито жалея ее.

«Мало того что сестра красивее, – не стесняясь, говорила тетка Нора за месяц до свадьбы, глубоко затягиваясь сигаретой, – так еще и удачливее. Не надо было тебе, Ольга, ее Кирой называть, – упрекала она мать, даже не беря во внимание, что некрасивая и неудачливая сидит тут же за столом и стыдливо прячет глаза, словно провинилась в чем-то, – дурацкое пацанячье имя, вот и судьба у девки теперь такая», – продолжала рассуждать сестра отца.

Она была грубой, дерзкой и всегда говорила людям в лицо

то, что думала. В тот раз досталось и младшей сестре. «Бедная девочка, – не скрывая издевательского тона, говорила тетка, – поменяла шило на мыло: была Гусь, стала Бычкова».

Мать тогда все же постаралась защитить старшее дитя, объясняя родственнице, что и у Киры есть жених Савелий, доцент на кафедре ядерной физики в университете, не менее умный и красивый. На что тетка лишь обидно усмехалась, подвергая сомнению сказанное, и надменно говорила: «Ну-ну, посмотрим». Мама, видимо, не желая прослыть треплом, а может быть, просто жалея Киру, всю неделю перед свадьбой названивала и напоминала, а по факту же просто умоляла.

«Кира, доченька, хватит прятать Савелия, привози его обязательно на свадьбу. Скажи, пусть не боится, никто его жениться тут же не заставит», – словно оправдывалась она. Кира, надо сказать, и сама это прекрасно понимала и, уговорив Савелия поехать, тут же успокаивала маму, обещая посетить семейное торжество вдвоем.

И вот все летит в тартарары. Савелия у нее больше нет. Даже если бы Кира очень постаралась, то найти сейчас оправдание жениху не то что сложно, а практически невозможно. Да и по тому, как Савва с ней разговаривал, а вернее, выразительно молчал, было понятно, что эти оправдания ему не очень-то и нужны, он сделал свой выбор.

Нет теперь у Киры и любимой работы, потому как, выскочив из квартиры Савелия, она, не задумываясь, направилась

на кафедру и тут же написала заявление об увольнении. С сегодняшнего дня у нее был отпуск, из которого выходить уже не придется, а два просроченных билета в Сочи на свадьбу сестры можно было выбрасывать, как и шесть лет работы на кафедре общей ядерной физики.

Вот так: было плохо, а стало еще хуже. Потому что надо знать, что не бывает после плохого хорошее, ну не бывает такого, это противоречит законам природы. После плохого может быть только очень плохое. Пора бы уже в двадцать семь лет это понять и научиться уходить самой, лишь почувствовав нехорошие перемены, но, видимо, что семь, что двадцать семь – мы не меняемся. Кира росла умной, но жутко неуверенной в себе девочкой, скромно отсидживаясь в тени своей сестры, которую, и это понимала даже она, было невозможно не любить.

Немного успокоившись и придя в себя, Кира с полной ответственностью поняла, что эта страница жизни – непонятно, увы или ура – перевернута безвозвратно, все, навсегда, и даже огромное желание не сможет ничего изменить, а значит, надо жить дальше. О поездке в солнечный Сочи, конечно, придется забыть, не хватало еще после пережитого стать объектом насмешек родственников, но урок из этого вынести необходимо. Кира из всего и всегда выделяла главное, тогда казалось, что это не неудача, а просто жизнь тебя так учит. Ведь на своих ошибках оно всегда продуктивнее получается. Подумав немного и посмотрев на реальность с раз-

ных ракурсов и временных линий, она решила: никогда нельзя оправдывать ни людей, ни ситуацию, всегда надо смотреть на происходящее трезво и, когда понимаешь, что все плохо, сразу же уходить, потому как после этого обязательно станет еще хуже.

Именно на этой торжественной точке, которую Кира поставила своим отношениям, и зазвонил телефон. На экране высветилось: «Валенок», это был именно тот человек, которого сейчас была счастлива слышать Кира.

* * *

Собаки лаяли не умолкая, и Янис понимал, что это начало конца. Сейчас из дома выйдет хозяин, и хорошо, если дело закончится просто полицией.

– Тише, Чук, Гек, вы что там так раскричались, – послышался женский голос. Янис зажмурился, ему не хотелось видеть первую реакцию, было нестерпимо стыдно.

– И откуда к нам такого красивого дяденьку занесло, – женский голос, к удивлению Яна, прозвучал насмешливо и гостеприимно. – Тише, ребята, – обратилась женщина к ротвейлерам, – это наш гость. Караулить, – скомандовала она, и собаки уселись под дерево, по-прежнему с ненавистью разглядывая мужчину и его красные носки.

– Добрый день, – поздоровался Янис, от страха и стыда открыв лишь один глаз. – Оригинальный выбор кличек для

собак, вы поклонница Гайдара? – поинтересовался зачем-то он.

– Нет, – продолжала улыбаться женщина.

У нее были пышные формы и искрящиеся глаза. На вид ей было лет тридцать, и возможно, она даже была ровесницей Янису, но он почему-то почувствовал себя рядом с ней пацаном. Вероятно, это произошло потому, что он был сейчас в одних носках, но бешеная энергия, которая шла от этой женщины, тоже сбивала с толку. От таких представительниц прекрасного пола никогда не знаешь, чего ожидать. Они одномоментно могут и ударить, и поцеловать, причем будет одинаково больно в обоих случаях.

– Поклонник Гайдара мой муж, – просветила она его и засмеялась, словно представляя его реакцию.

Хозяйка ушла в дом и, вернувшись уже с раскладным пляжным креслом, устроилась поудобнее, как перед телевизором, что показывает долгожданный сериал. Она направила на дерево свой телефон.

– Понимаете, – начал говорить Янис, когда женщина сделала все свои манипуляции, показав тем самым, что готова его слушать, – я оказался здесь совершенно случайно, – он не знал, как же все объяснить, и поэтому со стороны казалось, что он врет.

– Ты извращенец? – просто спросила женщина, по-прежнему держа в руке телефон и, видимо, записывая на камеру смартфона своего незваного гостя.

– Нет, что вы, – отрицательно замахал Янис головой и от этого чуть не слетел с толстой ветки. Для равновесия руки, которыми он прикрывал свое достоинство, пришлось отпустить.

– Чудесный кадр! – восхищаясь кульбитами мужчины, произнесла хозяйка ротвейлеров.

– Вы что, снимаете? – возмущился было он, но, вспомнив, что это не в его интересах, быстро сменил тон обратно на извиняющийся. – Очень вас прошу, давайте договоримся.

– О чем можно договариваться с извращенцем?! – поразила дама, словно он сказал какую глупость.

– Отпустите меня, – взмолился Янис, пытаясь выдавить из себя улыбку, но у него это плохо получилось.

– Ага, сейчас! – воскликнула женщина. – Вот Владимир Анатольевич вернется из командировки, ему расскажут, что у меня на дереве голый мужик сидел, а я что скажу? Отпустила? Так не поверит он. Тогда и мне ни за что прилетит, а я не согласна страдать понапрасну. Ладно бы за дело, тогда в общем-то не так обидно, а когда ни за что, то получается несправедливо, – витиевато рассудила хозяйка ротвейлеров.

– А кто у нас Владимир Анатольевич? – уточнил Янис.

– Владимир Анатольевич – мой муж, – просветила его грудастая, расхаживая под деревом, как часовой, и добавила гордо и громко: – А также подполковник ФСБ по совместительству.

– Вы только не кричите, пожалуйста, – попросил Янис да-

му, оглядываясь на соседний дом.

– А, – словно специально еще громче закричала женщина, – так ты от Женьки нашей, – видимо, именно сейчас в ее голове пазл сложился, и появление голого мужчины на дереве из паранормального события превратилось в очевидное. – Так ты чего сразу не сказал! – продолжала хохотать она еще громче.

– Тише, прошу вас, – умолял Янис, – я и так здесь на ветке как на витрине перед их окнами сижу.

– Боишься, – отсмеявшись, сказала она. – Правильно делаешь. Русик у Женьки, он такой, чемпион мира по боксу в тяжелом весе, от тебя бы только носки и остались в полном смысле этого слова.

– Женщина, ну все выяснилось, – взмолился он, – отпустите меня.

– Во-первых, не женщина, а Валентина, – заметила дама немного обиженно.

– А я Янис. Валечка, пожалуйста, отпустите меня.

– Ага, сейчас, – махнула она головой, – только шнурки поглажу и отпущу. Ты вот, мужик, совсем негодяй. А обо мне ты подумал? О том, как я оправдываться перед мужем буду? Тебе, можно сказать, повезло, Владимир Анатольевич в командировке, но ведь он вернется и навряд ли поверит твоей истории, а ему обязательно кто-нибудь из соседей расскажет о голом аисте на нашем участке. Вот сейчас моя подруга приедет, и мы вместе решим, что делать: в полицию

тебя сдать как извращугу или Русику как перебежчика.

— По мне, так очень мало вариантов вы рассматриваете, — сказал Ян. — Можно отругать и отпустить, можно денег попросить и тоже отпустить, да и вообще, Валентина, почему у вас подруга должна решать столь щекотливое дело? — спросил настороженно Янис. — Хотя, возможно, у нее будет больше сострадания ко мне, — вдруг понадеялся он.

— Возможно, конечно, — с сомнением сказала Валя, подойдя к дереву, — но я бы на твоём месте сильно не надеялась, человек она деловой и прагматичный, — предупредила хозяйка дома и кинула Янису плед. — На, прикройся, а то получается как в том анекдоте, — опять очень громко засмеялась она и предложила: — Хочешь, расскажу?

Надеясь войти в контакт с хозяйкой ротвейлеров, Янис сказал:

— С удовольствием, но поверьте, удобнее слушать ваши рассказы внизу. Мне кажется, я здесь несколько вычурно смотрюсь, могу испортить вам репутацию. Ну или соседи могут начать вам завидовать, что, я думаю, тоже нежелательно.

— Перебьешься, — довольно улыбнулась женщина, опять устроившись в пляжном кресле. — Так вот, слушай. Любownik убегает от мужа, забегает в парк и видит обнаженные статуи. Один постамент свободен, он встает на него, принимает позу. Голос сбоку: «Придурок, носкиними, всю аллею спалишь!»

Сказав последние слова, женщина вновь рассмеялась сво-

им звонким смехом, разбудив даже птиц в соседнем лесу.

– Можно потише? – умоляюще сказал Янис, переходя с шепота на визг. – А то из-за вашего смеха подруга может не успеть на наше экстренное собрание, Русик, выглянув в окно, обязательно что-то заподозрит, и тогда все, конец.

– Согласна, – махнула головой веселая дама. – Даже с его тремя извилинами тут трудно будет не догадаться. Все, сиди тихо, вон подруга подъехала, сейчас думать будем. Чук, Гек, сторожите нервного дядю, – приказала она ротвейлерам и направилась по красивой лужайке к калитке, от которой уже доносились настойчивые трели входного звонка.

Санкт-Петербург. 22 декабря 1764 г., 09:24

Джакомо Казанова был помешан на астрологии, поэтому время, когда он пересек Петербургскую заставу, он пометил особенно – это был день зимнего солнцеворота.

На самом деле тридцатидевятилетний Джакомо Джироламо Казанова не так себе представлял свой первый шаг на русской земле. Как только он вышел из кареты, его щегольский сапог сразу утонул в черной жиже – смеси снега и грязи. Небо было серым и тяжелым, а воздух обжигал холодом легкие солнечного венецианца.

В комнатах, которые он снял на улице Миллионной, было холодно, даже несмотря на огромную печь. «Сколько же требуется полениц, чтобы растопить ее?» – ужаснулся наивный Джакомо, оглядев русскую громадину. Но позже, когда дрова начали уютно потрескивать, напоминая камин в родном доме, Джакомо поразился до глубины души, что для отопления такой большой печи не требуется много дров. Летом он даже залезет в нее и рассмотрит все внимательно, сделав вывод, что русские – самые искусные строители печей, как венецианцы – морских каналов.

Венеция... Как же хочется туда вернуться, но пока нельзя, после побега из тюрьмы дорога домой закрыта. Петербург

поразил Джакомо шириной своих улиц и площадей. Непривыкший к таким размерам венецианец страшился этого размаха помпезности, смешанной с грязью.

Размышления у печи прервал стук в дверь. Хозяин квартиры подарил постояльцу приглашение на трехдневный карнавал во дворце. Да, Джакомо Казанова общался со многими европейскими вельможами и частенько был приглашен ко двору, но русскую царицу хотелось увидеть особенно. В Европе ходили слухи о величии этой женщины, о ее тонком уме и проницательности. Казанова, прославившийся как знаток дам, был уверен, что нет некрасивых женщин. О, скольких он знал представительниц прекрасного пола с таким огнем внутри, что их внешность не имела никакого значения.

Но с русской царицей ему хотелось именно подружиться. Джакомо мечтал стать ее фаворитом, но не любовником, нет, он был наслышан о братьях Орловых, что стеной стоят за свою Екатерину. Он вознамерился стать фаворитом ее мысли, как Вольтер, который на расстоянии смог стать ей другом.

Казанова считал себя ничем не хуже, а во многом даже лучше Вольтера, на которого был несколько обижен, что тот не удостоил отдельным вниманием его персону при встрече. В душе же Джакомо продолжал быть по-прежнему ярым поклонником его творчества. Пролистав книги Вольтера, Джакомо решил предложить императрице две идеи: первое – уничтожить разницу в календарях, эти бедные русские до

сих пор жили по юлианскому календарю, и второе – создать денежную лотерею.

– Ну что ж, – улыбнулся своему отражению в небольшом зеркале Джакомо, – карнавал – это прекрасно.

Никто не умеет веселиться на карнавале лучше, чем Казанова, он венецианец, а этим сказано все. Достав из дорожного сундука свое сокровище, Джакомо приложил маску, которую берег и лелеял как память о родине, к лицу и вновь взглянул в зеркало. Оттуда на него смотрел Баута. Это была маска смерти, сошедшая со средневековых миниатюр. Она была белого цвета с красивым золотым узором. Прикрывая все лицо, маска имела специально оттопыренную верхнюю губу, которая приглушала и меняла голос до неузнаваемости, подбородок же оставляя открытым. Устройство карнавального атрибута позволяло хозяину есть и пить, не обнажая лица. На его родине надеть Бауту означало отречься от индивидуальности, освободиться от норм морали. Все, что делал человек, надев эту маску, никак не приписывалось ему, считалось, что маска сама диктует поступки своему хозяину. Но главное, Баута жил только сегодняшним днем, не жалея о прошлом и не думая о будущем. Все в этом мире проходит: и молодость, и любовь, и власть. Да что там, жизнь и сама не останавливается, а продолжает свой бег, неумолимо двигаясь к концу. Так думал и Баута, и простой венецианец Джакомо Казанова.

– Карнавал – это прекрасно, – сказала маска в зеркало, –

он стирает все условности.

Маска по-прежнему была невозмутима, но вот Казанова под ней ехидно улыбался.

* * *

– Вот так, Валенок, – всхлипывала Кира, вытирая слезы, – из-за не выключенного вовремя телефона моя жизнь полетела в тартарары.

– Ну, предположим, не из-за телефона это все случилось, – сказала Валентина, которая не только не обижалась на подругу за странную кличку Валенок, а, напротив, всячески поощряла это милое, на ее взгляд, прозвище, – а из-за твоего Саввы. Меня всегда убивало, что вы так долго встречаетесь, а по-прежнему живете отдельно. Влюбленные люди в вашем возрасте так не делают.

– Он говорил, что у нас должно быть личное пространство, – всхлипнула вновь Кира.

– Ну теперь понятно, как выглядит его пространство. Я только одного не пойму: вот ты позвонила, и вы договорились встретиться в аэропорту. Так?

– Так, – подтвердила Кира.

– Этот недоделанный, не нажав, видимо, отбой, дал тебе насладиться тем, как он общается со своей пассивностью. Так? – уточнила Валя.

– Так, – вновь кивнула подруга, громко шмыгая носом.

– Ну тогда я в растерянности, подруга, зачем ты после всего этого поехала к нему домой?

– Поговорить, – всхлипнула еще громче Кира.

– Я бы поняла, если бы ты ему лицо расцарапала, посуду разбила, машину краской облила, на худой конец, а ты – поговорить, – всплеснула руками Валя.

Кира, не ответив, разрыдалась.

– Хорошо, – продолжила Валентина, громко выдохнув, видимо, сдерживаясь, чтобы не закричать на подругу. – Ты приехала, увидела у него дома наглую рыжую мадам, так?

– Так, – подтвердила Кира. Ее лицо от постоянных слез превратилось в огромное красное пятно.

– Открыв тебе дверь, она рассмеялась, спросила, кто ты и что тебе нужно, а этот му...

– Валя, не ругайся, – попросила, всхлипывая, Кира, остановив бранное слово, которое пыталось слететь с языка подруги.

– Хорошо, мужчина, но знай, мне сейчас было очень трудно это сделать, – пояснила Валентина свой геройский поступок и продолжила: – Он просто стоял и молчал, даже не оправдывался. Я правильно поняла? – уточнила она вновь у подруги.

Та снова утвердительно махнула головой в ответ, продолжая вытирать слезы, которые, не переставая, катились по ее щекам, словно у них не было конца и края.

– Но я очень быстро убежала, – попыталась она вновь

оправдать уже бывшего любимого.

– Ага, так быстро, что он не успел догнать, – съязвила Валентина. – Я не поняла только одного: ты зачем в университет после этого поехала, зачем уволилась? – возмутилась она странному поведению подруги и стала ходить кругами вокруг кресла, в котором та сейчас сидела.

– Я не знаю, – разревелась уже в голос Кира, – но тогда мне казалось, что это логично.

– Прошу прощения, – послышался голос с дерева, – что влезаю в ваш разговор, но женщина в целом права: ее работа в одном коллективе с бывшим любовником была бы отвратительна, а поскольку он уже и замену ей нашел, то к тому же и унижительна.

– Это кто? – уставилась Кира на мужчину, мгновенно перестав плакать.

– Знаете что, – крикнула Валентина, в порыве гнева погрозив кулаком мужчине на дереве, – чтоб вы понимали. Он нашел себе куклу, вот он и должен увольняться. Кира умница, на ней весь университет держится.

– Не преувеличивай, – спокойно поправила Кира подругу, по-прежнему пребывая в шоке от того, что она видела сейчас над своей головой, – максимум кафедра, да и то отряд не заметит потери бойца... Валя, кто это? – последние слова она произнесла уже громче, думая, что подруга просто не слышала их в первый раз.

– Кир, я же тебя для этого и звала, но тут такие события,

что эти мелочи, — показала она рукой на дерево, — совсем вылетели из головы. Это Янис, я его нашла сегодня утром в саду на дереве, вот теперь не знаю, что с ним делать.

— Он голый, — шепотом сказала Кира, словно боясь, что мужчина услышит.

— Можешь не шептать, он в курсе, — успокоила подругу Валентина. — Причем сейчас это уже не так неприлично, как было вначале. В данный момент он прикрывается моим пледом, а еще тридцать минут назад на нем были лишь носки, — как-то особенно гордо похвасталась Валя.

— Что значит нашла? — удивилась Кира. — Он что, гриб, чтоб его можно было случайно найти?

— Скорее груша, — рассуждала Валя, — ведь сидит он на грушевом дереве.

— А Владимир Анатольевич в курсе о плодах в вашем саду? — спросила Кира.

— Так я поэтому и в раздумьях, — сказала подруга. — Владимир Анатольевич в командировке, время прибытия домой всегда тайна. Может, через месяц, а может, и сейчас войдет во двор. Хотела отпустить бедолагу, да вдруг кто расскажет про странного гостя, потом супруг надумает всякого.

— Какие еще есть варианты? — уточнила Кира, совсем перестав плакать.

— Можно, я скажу? — встрял в разговор девушек заключенный на дереве мужчина. Собаки по-прежнему, как верные стражники, охраняли его, гордо сидя на траве.

– Нельзя! – хором ответили дамы, и ему пришлось подчиниться.

– Может, в полицию сдать, – предложила Кира. – И Владимиру Анатольевичу врать не придется, и все по-честному будет. Как говорится, сам виноват.

– Так-то оно так, – согласилась Валентина, – да вот жалко мужика.

– Почему? Думаю, полиция этому нудисту пойдет на пользу, – рассудила подруга.

– Так Русик прибьет его, – просветила Валя, вздохнув. – Он же ко мне от Женьки, соседки, сбежал, а Чук и Гек свою работу выполняют хорошо, поэтому дальше дерева пройти не смог.

– А почему он голый? – спросила Кира.

– Видимо, форс-мажор у них произошел, Русик раньше времени вернулся, – рассудила Валентина, поправив свои шикарные белые локоны. – Женька у него женщина слишком ветреная, у нее такое раз в месяц бывает. Правда, раньше они все бежали в лес, этот первый решил скреативить и сиганул через забор. Отважный, – было непонятно, похвалила героя в носках Валентина, поругала или издевается.

Кира на мгновение отвлеклась от всего и восхитилась своей подругой, как та прекрасно выглядит. Вот она так не могла. Две такие разные девчонки дружили с детства и были полными противоположностями. Валя – красотка, которая умела ухаживать за собой и носить яркие и сексуальные ве-

щи, и Кира, лишенная всех этих способностей, имеющая в своем багаже лишь жутко умную голову, которой, к слову, не было у Валентины.

– Дорогие дамы, ну мы же с вами уже выяснили, что я не нудист, у меня обстоятельства, – подал голос мужчина с ветки, решив воспользоваться паузой в решении его судьбы. – Прошу вас, отпустите меня.

– Да подожди ты, – махнула на мужчину в пледе Валя, одновременно пометив себе в голове, что плед придется выкинуть. – Кира, так ты что, на свадьбу к Злате не летишь?

– Нет, – ответила подруга и мысленно опять вернулась в свой сегодняшний рухнувший мир, – какая после этого свадьба. Прилететь на обед шакалов, чтобы каждый меня пожалел и, натянув на лицо снисходительную улыбку, вздохнув, произнес: «Бедная девочка». Я просто не выдержу этого, Валенок. После того, что я пережила сегодня, вообще удивляюсь, как еще хожу и разговариваю.

– Вы уделяете отношениям слишком много внимания, – услышали они голос сверху, забыв, что не одни.

– Помолчите, психолог, – грубо оборвала его Валентина, – что вы понимаете в любви. Животные. Мне вообще иногда кажется, что нормальных мужчин не осталось, – посетовала она подруге.

– А как же Владимир Анатольевич? – напомнила ей Кира.

– Согласна, погорячилась, мой муж – единственный динозавр, выживший в плеяде порядочных мужчин, – подтвер-

дила Валя гордо, словно она была к этому хоть как-то причастна.

– Я бы мог с вами поспорить... – осторожно вставил в ее монолог Янис.

На его слова Валя молча, не поворачивая головы, показала ему кулак.

– Но не буду, – продолжил он, боясь ругаться с хозяйкой ротвейлеров.

– Надо ехать, – подумав, вздохнула Валентина, – решат, что ты обманывала про Савву, и все, этому не будет конца.

– Да... – обреченно махнула рукой Кира. – Билеты пропали, в сезон отпусков на ближайшие рейсы я вряд ли найду, да и без жениха мне там делать нечего. А так как его никто не видел, то ты права, все так и решат, что я обманывала, а это будет вдвойне обидно. Так что забыли. Давай лучше решим, что делать с твоим пленным, солнце становится все сильнее, и боюсь, он у тебя несколько подгорит на этой ветке.

– Точно! – вскочила Валя и забегала вокруг дерева. – Надо просто найти другого Савву.

– Да где я его найду, до свадьбы осталось три дня, – не поддержала энтузиазма подруги Кира.

– Та-дам! – сказала Валя, и ее улыбка в этот момент грозила порвать лицо. – Он у нас есть, – при этих словах она подняла руки вверх.

– Ты хочешь, чтобы я ушла в монастырь? – по-своему поняла ее жест Кира.

– Да нет же, – засмеялась Валентина своим громким звучным смехом. – Я про него, – уточнила она и ткнула пальцем в сторону дерева.

– Не-е-ет! – закричала Кира, и мужской голос с ветки ее настойчиво поддержал.

– Да что нет-то, – не замечая округлившиеся от ужаса глаза Киры, продолжала Валя, – мы его приоденем, научим, что говорить, и все.

– Савелий – доцент кафедры ядерной физики, мой папа в прошлом тоже физик, он расколет этого Казанову недоделанного на раз.

– Я, конечно, тоже против, – послышалось с дерева, – но ваши инсинуации обидны. Не такой уж я пропащий, как вы думаете.

– Да что вы, – усмехнулась Кира, – а по вам вот так и не скажешь, вернее, по вашим носкам.

Мужчина обиженно засопел на дереве.

– Хорошо, скажите мне, что представляет собой магнитное поле? – задала Кира вопрос по школьной программе, уверенная, что донжуан не сможет ответить.

– Магнитное поле, – начал тараторить Янис с дерева, словно боясь, что его прервут, – представляет собой особую форму материи, посредством которой осуществляется взаимодействие между движущимися электрическими заряженными частицами. Оно существует независимо от нас и наших знаний о нем.

– Ну вот, – поддержала его Валя, – молодец. – И чуть тише спросила у Киры: – Правильно хоть ответил-то?

– Как ты представляешь себе такое? – продолжила Кира, пропуская оценивания школьных знаний. – Я приведу на семейное мероприятие чужого человека.

– Так никто не будет знать, – улыбнулась Валя, понимая, что Кира начинает сдаваться. – Для всех он будет свой Савва, только ты да я будем знать, что он чужой.

– А ты что, тоже полетишь со мной? – спросила Кира с надеждой.

– Владимир Анатольевич в командировке, сынуля до конца месяца в лагере, могу я себе позволить отдых на родине или нет? – гордо спросила Валентина, поправляя при этом свой выдающийся бюст. – Ну и не могу же я тебя одну отправить с проходимцем, буду приглядывать за ним.

– Я не проходимец, – поправил ее мужчина с дерева, – и я никуда не поеду. У меня дела, в конце концов.

– Значит, так, – сказала Валя, – выбирай, милый мой: или ты летишь на три дня и играешь роль Савелия в прекраснейшем городе России на берегу моря в самый купальный что ни на есть сезон, или я отдаю тебя вместе с видео в моем телефоне Русику.

– Вы не сделаете этого! – отчаянно сказал Янис. – Вы же женщина, жена, мать, в конце концов. В вас должно быть сострадание. Он меня убьет, и моральная ноша ляжет на вас до конца жизни.

– Да, – растерянно кивнула Валентина, – я мать, поэтому мне будет тебя очень жалко. Хотя, – засомневалась она, – на меня что только ни ложилось, я закаленная, я русская женщина, в конце концов, а мы, как известно, и горящую избу, и коня на скаку, а уж с тяжестью я как-нибудь справлюсь, – сказала она, одновременно набирая номер телефона. Когда Янис захотел сказать что-то еще, Валя показала ему указательный палец, призывая к молчанию, и ележно пропела в трубку: – Женечка, милая, разбудила тебя. Прости, дорогая. Ах, Русик вернулся со сборов, ну понимаю, дело молодое. Выйди на секундочку к забору, хочу совета спросить по одному дереву. Да, дорогая, срочно, прямо сейчас, буду благодарна, ага, жду.

– Я согласен, – быстро сказал Янис. – Только у меня ни телефона, ни паспорта, все у этой осталось, поэтому я все равно лететь не могу.

Шикарная блондинка в шелковом халате уже шла к забору. Не отвечая пленнику, она спешила навстречу соседке. О чем говорили две женщины, слышно не было, но и Кира, и Янис старались прислушаться к их разговору. Поняв, что это бесполезно, мужчина очень тихо, чтобы его не услышали у забора, обратился к Кире:

– Женщина, ну вы же, по-моему, адекватная, это ведь глупость полнейшая. Угломоните свою подругу, ее идея все равно не пройдет, никто не поверит, что я ваш жених.

– Это почему?! – возмутилась Кира.

– Ну посмотрите на меня и на вас, нас могут связывать только большие деньги, причем с вашей стороны, а вы, как я понимаю, всего лишь преподаватель в университете, а не бизнесвумен из списка «Форбс», – сказал Янис улыбаясь, но по лицу собеседницы понял, что пошел не тем путем, – она надулась и замолчала.

– Ну что, у меня две новости, – сказала подошедшая в этот момент Валя, неся в руках какой-то большой пакет, из которого капала вода странного красного цвета, – хорошая и плохая.

– Ты убила соседку? – спросила Кира, показывая на странную поклажу. – Только не пойму, в какую категорию ты эту новость отнесла.

– Это... – Валентина поставила свою ношу на траву. – Это как раз плохая новость. Чук, Гек, место, – скомандовала она собакам, и они послушно убежали в свой вольер. – Слезай, герой-любовник, это твое.

Янис не заставил себя долго ждать. Спрыгнув на траву, он подвязался поудобнее пледом и пошел к сумке. Осторожно заглянув туда, молодой человек быстрыми движениями, словно они могли еще спасти ситуацию, вывалил содержимое на траву и стал разбирать. Разбросав какие-то розово-красные тряпки, мужчина нашел то, что искал, и в ужасе протянул руки к Вале, задав риторический вопрос:

– Она что, дура?

– Ну, она старалась, – расплывчато ответила Валентина, и

было непонятно, поддерживает она порыв соседки или нет. – Все твои вещи, включая телефон и портмоне с паспортом, она от испуга бросила в стиральную машину – туда, куда Русик сроду не заглянет.

– А зачем было насыпать порошок и ставить на кипячение? – спросил Янис, оглядывая содержимое кошелька и испорченный пластик банковских карт.

– Думаю, для достоверности, – попыталась защитить соседку Валя.

– Все вещи в порошке. Телефон бы, возможно, даже выжил, если бы его не прокипятили.

– Ну перестарался человек, – виновато, словно это она сделала, сказала Валентина. – Сам понимаешь, там было не до твоих вещей, ей жизнь приходилось спасать. Мне кажется, если бы Женьке пришлось съесть их, она бы это сделала, не раздумывая.

– Ну а что, Валенок, по-твоему, хорошая новость? – спросила Кира, глядя на страдания наглого мужчины.

– Я придумала, как мы поедем, – вновь радостно растянула губы в улыбке Валя. – На моей машине. И деньги на билеты тратить не придется, и нашему новому Савве паспорт из стиральной машины не понадобится.

Кире показалось, что после такой радостной новости даже птицы в соседнем лесу перестали петь – видимо, и они знали, как водит машину Валентина Вовчик.

Бал-маскарад в Зимнем дворце. 23 декабря 1764 г

Когда Джакомо Казанова вошел в Зимний дворец, то от изумления был просто раздавлен. Размах русских празднеств тут же покори́л его, особенно после Лондона, где никто не топит в домах, а король не тратит ни копейки на увеселения чужих. Казанова был поражен, что в русском языке даже есть термин для определения такого типа людей – это «гости». С этого дня слово «гости» он станет говорить и даже писать по-русски, потому что в его языке такого слова не существовало.

Казанова потрясенно обходил залы, полные публики, стараясь впитать в себя все великолепие. Громадные и богато меблированные залы были залиты светом тысячи свечей и уставлены столами, полными такого огромного количества яств, что у итальянца глаза полезли на лоб. К своему стыду, Джакомо почти четыре часа утолял аппетит самыми изысканными блюдами, которых здесь было в несметном количестве. К тому же слуги постоянно обновляли запасы еды и вина, и яства просто не заканчивались, создавая эффект волшебного стола, который пополняется сам собой, как скатерть-самобранка. С трудом преодолев вдруг проснувшуюся жадность, Казанова понял: если он сам не остановится, то

его просто разорвет пополам.

Огромность, пышность и хлебосольность русских привели его в приятное изумление. Между тем бал-маскарад, набрав обороты, закрутил Казанову, заставив забыть и про дивность Зимнего дворца, и про церемонии. Здесь маскарад, как и в его родной Венеции, стирал все границы.

Его партнерша по танцу была весела и общительна, возможно, даже более необходимого.

– Присутствует ли на балу императрица? – спросил ее Джакомо, по-прежнему желая во что бы то ни стало увидеть русскую правительницу.

– Да, – не переставая танцевать, ответила незнакомка под маской. – Хотите, я вам ее покажу?

– Как? – поразился Казанова. – Вы знаете, под какой маской Екатерина?

– Конечно, – продолжала смеяться маска, в полную силу наслаждаясь карнавалом. – Все приближенные об этом в курсе, только делают вид, что в неведение.

– Но как вы ее узнаете? – спросил Джакомо.

– Ее с головой выдает Орлов, – продолжала веселиться девушка и незаметно указала направление своим красивым веером.

В нескольких шагах от дамы, под маской которой скрывалась, по словам незнакомки, императрица, стоял колоссального роста мужчина. Он словно бы охранял свою госпожу, готовый в любую минуту дать отпор.

– Наша императрица любит гулять в толпе, временами она садится позади группы и прислушивается к непринужденным разговорам, – пояснила прелестница.

– Но ведь таким образом она может услышать что-либо непочтительное о себе, – удивился такому необдуманному поведению Казанова.

– Но также может услышать и истину, – совершенно серьезно ответила девушка, – а это счастье, редко выпадающее на долю монархов.

Позже Казанова узнает имя этой умной дамы – Екатерина Дашкова, он даже подружится с ней и будет гордиться этим всю свою жизнь, но это произойдет позже, сейчас же его волновала только Екатерина.

Улучив момент, когда стража, состоящая из братьев Орловых, отвлеклась на секунду, Джакомо подсел и, стараясь, чтобы голос не дрожал, произнес:

– Этот русский прием сведет меня с ума, – сказал он даме, самовольно поцеловав ее руку.

– Чем же вам не по нраву этот двор? – на хорошем французском ответила Екатерина.

Вообще, здесь все в основном говорили по-немецки, и поэтому хороший французский был для ушей Джакомо как елей. В этот момент Орлов дернулся в сторону их пары, видимо, для помощи императрице, но она незаметным жестом остановила его.

– Нет, я в полном восторге от радушности приема и тако-

го роскошного карнавала, а угощение, тепло и огромное количество свечей просто приводит меня в восторг.

– Что же не так? – уточнила Екатерина.

– Скучно, – просто ответил Джакомо. – Нет интриги, нет остроты.

– Вы игрок? – уточнила она у него.

– Я человек, любящий ощущение азарта, – ответил ей Джакомо. – Вот вы знаете, что такое лотерея?

Джакомо рассказывал молодой императрице свою идею, она же слушала его, ничем не выдав ни интереса, ни скуки. Казанова, пристально вглядываясь в ее глаза, никак не мог понять, зацепил внимание знатной дамы или нет.

– Интересная мысль, – сказала Екатерина, когда он закончил свой монолог. – Лотереи у нас пока нет, но есть карты. Не хотите ли вы сыграть со мной в макао?¹ – спросила она Казанову.

– С удовольствием, – ответил он немного растерянно. Джакомо слышал, что русская императрица любит играть на камни, а он не мог сейчас похвастаться достатком.

Когда сели за игорный стол, Екатерина привычным движением поставила на стол маленькую деревянную шкатулку и достала из нее большой бриллиант. Размер камня поразил Казанову. Конечно, он был наслышан о богатстве русской императрицы, но вот так играть в карты на огромный бриллиант с незнакомцем – это было для Джакомо и стран-

---

¹ *Макао* – азартная карточная игра (здесь и далее прим. ред.).

но, и восхитительно одновременно.

– Прошу простить меня, но я не могу поставить на кон что-либо равноценное, – сказал Казанова стыдливо.

– А вы поставьте свою маску, – благородно предложила Екатерина, – она у вас тоже стоит немалых денег. Сразу видно, настоящая венецианская работа, в умелых руках ее можно дорого преподнести.

Игра была не то чтобы напряженной, но знаковой – Джакомо мечтал выиграть, чтобы не упасть в грязь лицом, и добился этого. Хотя у него была всего лишь восьмерка, но она была шестерку Екатерины. Получив свой бриллиант, он снял маску и протянул ее императрице.

– Могу я в знак благодарности за такой интересный вечер подарить эту маску вам? Она называется Баута, маска смерти. Надевший ее уже не принадлежит себе, все, что вытворяет человек в маске, никак не относится к нему, все этоделки Бауты. Эта маска убирает любую индивидуальность, в ней можно быть тем, кем ты не можешь быть в жизни.

– Даже императрицей? – спросила Екатерина и, сняв свою маску, показала лицо.

Казанова притворно удивился и тут же склонился в глубоком поклоне.

– Встаньте, – сказала Екатерина, оставшись довольной произведенным эффектом. – Тогда давайте назовем выигранный вами бриллиант тоже Баута, – предложила она, – и у каждого из нас будет свой. Если верить вашим словам, то

теперь мы с вами в этой жизни оба сможем быть теми, кем хотим.

Они еще долго болтали, и позже Казанова вспоминал в своих мемуарах русскую императрицу, поразившую его своим величием и спокойствием. Немка по крови, она не привлекла горячего итальянца как женщина, поскольку особой красоты и огня в ней не было, но поразила его как личность – внутренней силой и особым умом.

Когда же императрица уходила, то нечаянно смахнула веером свои карты на пол, и Джакомо увидел там девятку. Эта мудрая женщина выиграла, но решила снисходительно проиграть ему. Настолько великих женщин с точной мужской логикой Казанова еще не встречал и еще сильнее сжал в руке подарок царицы в надежде, что через него она поделится с ним своим даром выигрывать битвы и подчинять себе людей.

Позже у них будут еще три встречи, на которых они обсудят календарь, Петра Первого и статуи в Летнем саду, но симпатии или других чувств меж ними так и не возникнет. Екатерина быстро забудет этого венецианца, который так нарочито хвастался своей дружбой с Вольтером, а он запомнит ее твердую поступь и взгляд, при котором хотелось тут же опустить глаза в пол. Своего трофея в виде большого бриллианта он будет даже немного побаиваться. То ли от огромной впечатлительности натуры Джакомо Казановы, то ли от того, что бриллиант правда нес в себе столько силы и энергии, сколько не мог поместить в себе простой венецианский

– Тормози! – кричал Янис, уже не стесняясь своего животного страха.

Бесконечная дорога вымотала его полностью, и если бы сейчас встал вопрос, поехать с этими ненормальными или попасть в руки к боксеру Русику, то, возможно, он выбрал бы последнее. Тринадцать часов до Краснодара и еще семь до Сочи по крутому серпантину, который то поднимается змейкой в небо, то спускается почти до скалистого берега моря. Командирши неудавшегося донжуана решили ехать по очереди, чтобы не терять время. Они предложили и ему вступить с ними в дозор и тоже периодически управлять машиной, но он отказался. Конечно, официальная причина, что все документы, включая права, превратились в труху после стирки неадекватной Женечки, а настоящую эти чужие ему дамочки знать не должны. Не собирается он рассказывать им личное, три дня – и разбежались навсегда, забыли, как зовут друг друга. Янис всю дорогу придумывал себе биографию для этих двух подруг, чтобы она выглядела правдиво, но в ней не было ни слова о нем настоящем.

Когда ехала за рулем Валентина, женщина энергичная и, как понял Янис, с дефицитом адреналина, то дорога превращалась в ад. Они нарушали все известные правила дорожно-

го движения, превышали скорость на недопустимую цифру и периодически всех подрезали. Иногда водители, которых обижала Валя на дороге, догоняли ее машину, но, увидев за рулем блондинку с ярко-красными губами, махали обреченно рукой и старались убраться от опасного автомобиля подальше.

Возможность поспать представлялась, лишь когда за руль садилась Кира – невзрачная подруга Вали водила машину спокойно и дисциплинированно. Поняв это, Янис, конечно, обрадовался, но счастье было недолгим. Валентина тоже засыпала под монотонное вождение Киры и начинала жутко храпеть. Сначала Янис даже не поверил, что милое снаружи создание может выдавать такие адские звуки, схожие с отбойным молотком. Избавиться от этого было невозможно никаким доступным способом. Не помогало ни постукивание по плечу, ни зажимание носа, причем, когда Янис проводил со спящей Валею эти манипуляции, она даже не просыпалась. Видимо, сон у нее был крепким и богатырским. Кира, пытаясь защитить подругу, запрещала Янису к ней прикасаться. Не помогала ни музыка, включенная на полную мощность, ни беруши, которые Янис смастерил из подручных материалов. Поэтому к Сочи он подъезжал обессиленный, с одним лишь желанием – упасть на белые простыни сочинского отеля и уснуть. Но, видимо, что-то произошло в тот злосчастный день в небесной канцелярии, когда он поехал к красавице Евгении в гости, и теперь все его желания

исполнялись с точностью до наоборот.

– Тормози! – кричал Янис, но его никто не слышал. – Ты что, не видела, тебя гаишники останавливали.

– Ага, – ответила Валя, энергично выкручивая руль на серпантине, – знаю я таких гаишников. Я, между прочим, не обязана тормозить в лесу, бандиты это. До Сочи несколько километров, вот доедем и там остановимся.

– Валенок, ты уверена? – спросила Кира, не открывая зажмуренных глаз.

– Кир, сто процентов. Ты что, мне не веришь? – бойко ответила Валентина и усиленно нажала педаль газа, стараясь продавить ее еще больше.

Невзрачная девушка Кира, видимо, хорошо знала свою подругу, потому что еще сильнее зажмурилась и вцепилась в ручку над дверью двумя руками.

– Нас сейчас вынесет в пропасть! – почти визжал Янис. – Лучше бы меня Русик убил или тетки гайдаровских героев загрызли, чем погибнуть, разбившись в лепешку в пропасти.

– Это чем же лучше? – Валя умудрялась не только жать на педаль и крутить руль, но и разговаривать, поворачивая голову к пассажиру заднего сиденья, что убивало Яниса еще больше.

– Смотри на дорогу! – потребовал он и насильно развернул голову блондинки обратно.

– Успокойся, – чересчур резво для убегающего от гаишников человека засмеялась Валя. – Ты в надежных руках, я

гонщик.

– Валентина, я тебе сейчас открою глаза. Будет больно, но ты держись. Если ты сыграла в приставку и всех там обогнала, то это еще не значит, что ты гонщик. Даже, – заметил Янис, глядя в заднее окно на отстающий автомобиль ДПС, – если компьютер выдал тебе медаль и кучу сертификатов.

– Валя и правда бывшая гонщица, – осторожно сказала Кира, словно сама не верила в это.

– Бывших, Кира, не бывает! – увлеченно крикнула Валентина, перескочив очередной серпантинный изгиб.

Но гонки неожиданно прервал показавшийся впереди пост ДПС. Их, видимо, уже ждали, потому что через дорогу были протянуты ежи и весь личный состав вышел встречать путешественников, радостно держа в руках автоматы.

– Ну вот и приехали, – обиженно сказала Валя. – Ябеды, догнать не смогли, так своих предупредили. Вот что за люди? – разочарованно задала Валентина риторический вопрос, на который никто и не думал отвечать. Сидящие с ней в машине люди, напротив, были благодарны сообразительным гаишникам и даже длинной ленте с шипами под названием «еж».

– Хвала нашей дорожно-постовой службе, – простонал Янис, растекаясь на заднем сиденье.

Краем уха он слышал, как, сделав свой голос кукольно-приторным, бывшая гонщица Валя с удивлением говорила о том, что решила, что за ней несутся бандиты. Она чита-

ла в Интернете, что на дорогах Краснодарского края водятся такие, и специально искала пост ДПС, мечтая о спасении. Сама же она не представляет, как у нее хватило смелости так гнать машину.

Янису же очень хотелось знать, кто ее муж. Кто тот мужчина, который в состоянии жить с этим ураганом и при этом заводить с ней детей и собак. «Возможно, никакого Владимира Анатольевича не существует», – мелькнула шальная мысль в голове. Хотя тогда чьи вещи сейчас на нем надеты?

Все его имущество, включая телефон и паспорт, было бессовестно испорчено дурой Женькой, лишь легкие туфли-лоферы пережили порошок и кипячение. Как ни просил Ян этих двух ненормальных заехать в магазин, чтобы переодеться, они не разрешили. Валентина торжественно вручила спортивные шорты и футболку мужа. Они были несколько великоваты стройному Янису, но, подпоясав шорты кожаным ремнем, женский совет решил, что сойдет.

Яну страсть как не хотелось, чтобы эти две ненормальные, шантажирующие его подруги знали, кто он и чем занимается. Поэтому пользоваться их телефонами и светить рабочие номера Янис не стал. Ничего страшного не случится, если он выпадет из зоны доступа на выходные, такое и раньше бывало, когда он увлекался какой-нибудь красоткой. Сейчас же Янису хотелось, чтобы эти три дня быстрее закончились. Он похоронит память о них где-то далеко и глубоко внутри под семью замками и не будет доставать оттуда никогда, как Ко-

щей Бессмертный свою иглу.

* * *

– Ты не должен этого делать, – настойчиво сказала Ольга Леонидовна своему мужу. Вообще-то она не любила спорить с суженым, с которым прожила уже больше четверти века, и надо сказать, делала это крайне редко, но сейчас она защищала дочь и была как тигрица, охраняющая интересы своего звереныша и готовая абсолютно на все.

– Это не обсуждается, – твердо ответил ей Павел Петрович. – Так уж случилось, это традиция, и я намерен ее продолжить.

– Но ты заставишь Киру чувствовать себя неполноценной и обидишь ее.

– Олененок, – Павел Петрович отложил в сторону телефон, в котором по традиции за завтраком читал новости, и, положив свою руку на руку супруги, сказал: – Я тебе объяснял, что это очень важно для нашей семьи. Для тебя это просто камень, для меня же бессменная традиция. Ее не уничтожили ни войны, ни большевики, ни время. Эта традиция – стержень, достоинство, данное нам предками. Именно поэтому в нашей семье все люди успешные.

– Не говори глупостей, – сморщилась Ольга Леонидовна и выдернула у него из ладони свою руку. – Вы такие, потому что это генетика – академики, ученые, доктора наук. Ты же

умный человек, даже чисто статистически в вашей семье не могут родиться дебилы.

– Да и супругов мы себе выбираем соответствующих, – сделал комплимент жене Павел Петрович.

– Вот именно, и камень здесь совершенно ни при чем, – согласилась Ольга Леонидовна, – но я сейчас о другом. Выбирая одну, ты словно говоришь другой, что она хуже.

– А что ты предлагаешь? – развел он руками.

– Не дари этот проклятый камень никому, пусть продолжает спокойно лежать в банковской ячейке.

– Ольга, – так официально он называл жену, когда злился, – родители камень подарили именно мне. Кире уже двадцать семь, и она тянет с замужеством, она даже ни разу не показала нам этого своего Савелия.

– Ты не сделаешь этого, – решительно сказала Ольга.

– Сделаю, – мягко, но очень настойчиво ответил ей муж.

– Я прошу тебя, – со слезами на глазах произнесла она, глядя на море через штору, что колыхалась на ветру. – Твои сестра и брат ненавидят тебя из-за того, что родители поступили именно так. Ты хочешь, чтобы так же было с нашими девочками?

– Они ненавидят меня, как ты выразилась, – со вздохом сказал Павел Петрович, сняв очки и протерев глаза, словно от напряжения, – оттого, что я успешен, что у меня прекрасный крепкий брак, две дочери – одна умная, другая красивая.

– Ты опять делишь детей! – вскрикнула Ольга Леонидов-

на.

– Мои брат и сестра просто завидуют мне, хотя то, что я имею, – это не подарок небес, а огромная работа. Моя работа, моя семья – это огромный расчет и большой труд. Если бы они хоть немного подумали о своих поступках, возможно, и не пришлось бы завидовать и злиться.

– Может, ты и на мне женился по расчету? – спросила она грустно, но без злости.

– Это какой же был у меня расчет? – засмеялся Павел Петрович. – Конечно, ты танцевала в Большом, но четвертого лебеда, у тебя не было ни славы, ни перспектив, не говоря уже про деньги...

Было видно, что он хотел добавить что-то еще, но и то, что произнес Павел Петрович сейчас, звучало довольно грубо и обидно, поэтому он остановился.

– Ну, про мои перспективы сейчас можно только догадываться, – холодно ответила Ольга Леонидовна, – а выгода все же была – ты хотел жениться раньше других и на достойной партии, иначе бы камня тебе не видать, а ты очень хотел его получить. – И твердо добавила: – По мне, так лучше быть одной, чем жить с нелюбимым человеком, и я поддерживаю в этом решении Киру.

– Поэтому она в двадцать семь лет и одна, что ты ее так настойчиво поддерживаешь, а Злата молодец, глядишь, через год и внука нам родит, а это что?

Ольга Леонидовна не ответила на вопрос мужа, а, нахму-

рившись, молчала.

– А это, милая моя, династия, это непрерывная цепочка семьи Гусь.

– Смею напомнить, что ее дети будут Бычковы, – стараясь уколоть мужа, на которого сейчас была очень зла, сказала Ольга Леонидовна.

– Ну, это мы еще посмотрим, – философски заметил Павел Петрович и вновь углубился в чтение новостей, показав тем самым, что разговор окончен.

Ольга Леонидовна встала из-за стола и вышла на залитый солнцем балкон. Летнее сочинское море приятно плескалось внизу, приглашая искупаться в нем, но женщина не могла сейчас наслаждаться морем, ей хотелось уберечь дочь от очередного удара по ее и без того побитой самооценке. Не то чтобы Кира была ее любимицей, нет, Злату Ольга Леонидовна любила не меньше, просто старшая была какой-то невезучей, что ли. При правильных чертах лица и стройной фигуре Кира была словно тенью своей подружки Валентины и младшей сестры Златы, тихой и прозрачной, а иногда и незаметной тенью. Ольга Леонидовна смотрела на дочь и в душе ожидала ее жизненных разочарований, уж очень тонкой натурой она была.

Все наши дурные ожидания сбываются, случилось так и в этот раз. Сначала был неудачный роман в ранней юности с огромными психологическими последствиями и слезами в подушку. Ольга Леонидовна долго наблюдала за Кирой, бо-

ясь, что та со своей тонкой психикой не выкарабкается, но, слава богу, все обошлось. Интересная работа на кафедре, преподавание и увлеченные студенты вытянули ее из омута, и жизнь потекла своим чередом. Два года назад дочка даже сказала про какого-то Савву, коллегу по работе, и Ольга Леонидовна выдохнула, думая, что все обошлось. А теперь вот этот камень. Ольга Леонидовна никогда не забудет вопрос, который ей задала не по годам серьезная Кира в восемь лет: «Мама, а почему меня папа не любит?»

Злата же была другим ребенком, она полностью подтверждала свое имя, излучая золотые лучи радости и жизнелюбия. Даже волосы у нее были пшеничного цвета, что добавляло ей еще большей схожести с солнцем. Она напоминала Ольгу Леонидовну в молодости, лишь с одним отличием: дочка ни к чему в жизни не стремилась. Нигде не училась, ничем не увлекалась, уверенная, что ее внешность сама по себе сделает ее счастливой.

Ольга Леонидовна видела, что Кира замечает разницу между собой и сестрой и очень сильно переживает по этому поводу. Если сейчас еще в добавление к замужеству младшей сестры отец распорядится семейной реликвией в пользу Златы, Кира будет уверена, что родительская любовь неравноценна, и замкнется еще больше. Нужно что-то предпринять. Она мать, она должна оградить свою дочь от таких ударов. Был у Ольги Леонидовны один вариант, она не хотела им пользоваться, вернее, очень боялась этого, оставив для

экстренного случая. Вот, видимо, такой случай и настал.

Погруженная в свои мысли, женщина не заметила пристального взгляда мужа и холодного пота, выступившего у него на лбу, несмотря на жаркое летнее солнце. В его голове сейчас бились две истерические мысли: первая – как все-таки вовремя Златка надумала выйти замуж, а вторая – как здорово, что у него есть такой хороший племянник, как Глеб.

– Ольга, – позвал он жену, – Кира прилетит к завтрашнему ужину?

– Обещала, – рассеянно ответила она. – А почему ты спрашиваешь?

– На нем я буду дарить молодоженам бриллиант «Баута», – ответил Павел Петрович. – На свадьбу приглашено слишком много гостей, не хочу привлекать лишнее внимание.

«Значит, у меня есть сутки», – подумала Ольга Леонидовна, уже начав мысленно составлять свой план.

* * *

– Сочи – это мой родной город, – гордо говорила Валя, сидя за рулем, – поэтому я всегда могу здесь договориться. Вообще, договориться – это очень по-сочински, здесь надо уметь разговаривать с людьми, и они отдадут тебе все и даже больше.

При этих словах она откусила сладкий абрикос и зажму-

рилась от удовольствия.

– Почему тогда в твоём родном городе никто не привезет тебе бензин? – возмутился Янис, толкая автомобиль с сидящей внутри Вале́й.

К слову сказать, делал он это не один, ему помогала Ки́ра, но от хрупкой девушки толку было мало, и потому Янис чувствовал каждой клеткой своего организма, что делает это в одиночку.

– А зачем? – спокойно ответила на его возмущения Вале́тина. – Через километр будет заправка, что зазря людей баламутить.

– Ты три километра назад говорила, что через километр, – возмущался Янис, но уже не так рьяно. Летнее солнце обжигало, и у вынужденного бурлака совсем не оставалось сил.

– Я ошиблась, – даже и не думала отпираться Вале́я. – Я же́нщина, и нам свойственно ошибаться. Вон Ки́ра круче попала, целых два года на проходимца потратила, что ж её, убить теперь за это?

– Любит вас подруга, – заметил Янис, обращаясь к пыте́вшей рядом Ки́ре.

– Это нормально для женской дружбы, – ответила та. – Хуже было бы, если бы она лебезила и в глаза заглядывала.

– Чем же хуже? – удивился Янис.

– А это бы означало, что все, что сейчас она говорит, говори́ла бы за спиной и, возможно, даже с большей степенью злорадства. За это я её дружкой и дорожу, что знаю, сама-то

она, может, и ударит словом, но зато чужому в обиду никогда не даст.

– Странная у вас логика, – заметил Янис.

– Нормальная женская логика, – сказала Кира и первый раз за время их знакомства улыбнулась. – Простите нас, – вдруг сказала она. – Очередная бредовая идея Валенка, на которую я повелась, будучи в состоянии аффекта. Сейчас доберемся до Сочи, и я придумаю, как вернуть вас обратно в Москву.

Янису вдруг стало очень жаль эту девушку, по-настоящему, по-мужски жаль. Так, как жалеют раненых бездомных кошек, – искренне и с болью в сердце.

– Ну уж нет, – ответил он ей наигранно. – Я так тягостно добираюсь до российской Ниццы, что как минимум выходные провести здесь обязан. Да и Валентина, как я понял, не из тех женщин, что отказываются от своих планов. Поэтому я лучше отыграю свою роль, искупаюсь в Черном море и со спокойным сердцем и уверенностью, что видео со мной голым на дереве нигде не появится, поеду домой. Кстати, мне можно быть уверенным, что ваша подруга удалит его из телефона?

– Валенок человек слова, – уверенно подтвердила Кира. – Правда, у нее всегда происходит что-то непредвиденное, поэтому если что-то и случится, то точно не по ее вине.

– Вот как-то вы меня сейчас совсем не успокоили, – вздохнул Янис озадаченно.

– Все, приехали! – закричала Валентина. Выскочив из машины, она протянула им абрикосы, подаренные добрыми гаишниками, и засмеялась: – Ой, Янис, посмотрела на вас и сразу так раков захотелось, – сказала и убежала оплачивать такой долгожданный для бурлаков бензин.

Янис, ничего не поняв, взглянул в зеркало заднего вида и ужаснулся – его белая от природы кожа на лице стала ярко-красного цвета.

– Что это? – задал он глупый вопрос, на самом деле зная ответ.

– Это беспощадное сочинское солнце, – пояснила Кира, еле сдерживая смех.

– Но у вас нет этого алого оттенка, – ему стало обидно данное обстоятельство. – Только не говорите, что вам просто не идет красное, между прочим, красный тоже не мой цвет.

– Я здесь выросла, у нас договор, местных оно не трогает, – ответила Кира и, все-таки не сдержавшись, рассмеялась.

А в голове Яниса появилась глупая мысль, что если его лицо развеселило эту грустную и несчастную девушку, то, по крайней мере, оно не зря сгорело.

* * *

Никто не знал, что выходила замуж Злата назло. Наверное, так поступать можно только в двадцать лет – выходить

замуж назло кому-то. Глупое, ни к чему не приводящее действие, которое обычно совсем не ранит виновника данного поступка, но делает больно всем остальным участникам процесса. В двадцать же это кажется коварным планом, который обязательно докажет всем и вся, а что и кому – это уже дело десятое.

Нет, Федор Бычков не был Злате противен, она была к нему равнодушна. Давний ее поклонник, он сдувал с девушки пылинки. Она же, в свою очередь, не отвергала его, но и не давала особой надежды. Тем временем Федор, воспринимавший это как призыв к действию, ударился в бизнес только что умершего отца. Тот, видимо, не имел предпринимательской жилки, а может быть, достойной цели, которая была сейчас у сына, поэтому вел его посредственно и вяло. Федору же было необходимо завоевать принцессу своего сердца, поэтому он стремился побеждать. Магазины отца хоть и располагались в большом количестве по городу Сочи, но считались чем-то средним и низкопробным. Честно сказать, Федору в наследство достался бизнес, доживающий свои последние дни. Вчерашний школьник мог бы продать затухающее предприятие, а на вырученные деньги пойти учиться в любой вуз, но он выбрал другой путь. Не имея никакого образования, кроме среднего, на чистом желании и интуиции Федор Бычков сделал из непутевого наследства сеть элитных магазинов. Потребитель, шедший теперь в «Бычка хотите», знал, что купит качественный продукт местного производи-

теля. С их сетью хотели работать все – и поставщики, и потребители. Федор сделал магазин брендом хороших продуктов местных производителей. Не останавливаясь на достигнутом, он создал три фермы в разных уголках Краснодарского края и два небольших завода по переработке мяса и изготовлению мясных консервов.

Развивая уже свой бизнес, Федор не забывал и про любовь всей его жизни. Злата казалась ему ангелом, сошедшим с небес. Увидев ее первый раз, молодой человек пропал. Золотые волосы, огромные голубые глаза и ямочки на щечках – так могла выглядеть лишь небожительница. Федор Бычков мгновенно решил, что его миссия на земле – оберегать это сокровище.

Сначала он просто любовался девушкой, а позже стал ее личным Дон Кихотом. Злата могла позвонить своему преданному рыцарю, и тот мчался к ней из любого уголка земли, бросая к ногам любимой все, что у него было. Она же никогда и ничего ему взамен не обещала, но Федор и не торопил свою избранницу, а терпеливо ждал своего часа. Никто не верил – ни друзья, ни знакомые, – никто, только один Федор Бычков знал наверняка, что этот час настанет. И вот он, как опытный охотник, дождался свою добычу, свой трофей. Его не волновал вопрос, почему Злата так внезапно согласилась выйти за него замуж, – а если быть честным, то сама предложила ему пожениться, – Федор Бычков просто наслаждался счастьем, приняв его как данность.

Злата же начала сомневаться в своем решении, и чем ближе был день свадьбы, тем глубже были ее сомнения.

Тот, из-за кого она решилась на столь глупый поступок, никак не выказывал своего недовольства, а казалось, был даже рад за нее.

– Можно? – Мужчина постучался и тут же по-хозяйски вошел в комнату Златы. – Ну и как настроение у нашей невесты? – шутливо поприветствовал он ее.

– Что тебе здесь надо? – спросила Злата, мимоходом взглянув в зеркало, все ли в порядке, достаточно ли она сейчас хороша. Получив у бесстрастного стекла утвердительный ответ, она повернулась к вошедшему с гордо выпрямленной спиной. – Дай угадаю, ты одумался и будешь умолять меня не делать этого?

– Я вот не пойму, – серьезно сказал он, – это женская глупость или твоя завышенная самооценка?

Было видно, что он издевается над девушкой.

– Хам, – бросила она и отвернулась к зеркалу.

– Согласен, но ты меня за это и любишь, – засмеялся он. – А пришел я тебя предупредить: жить с нелюбимым человеком очень трудно, очень. Для этого надо быть не только циником, но даже немного мразью. Поверь мне, я-то уж точно знаю, о чем говорю, – при этих словах он грустно засмеялся. – Зачем ты устраиваешь этот демарш? Он ничего не даст. Остынь, дай себе успокоиться, возможно, ты скоро влюбишься вновь и сможешь стать счастливой. Не порти

жизнь ни ему, ни себе.

Злата, словно боясь опоздать, подбежала к мужчине и поцеловала его долгим и страстным поцелуем. В это время дверь без стука открылась, и на пороге появился Федор. Постояв секунд пятнадцать в дверях, словно осмысливая происходящее и скорее всего изо всех сил пытаясь найти оправдание тому, что он только что увидел, и не найдя его, растерянный Федор развернулся и, ничего не произнеся, побежал вниз по лестнице.

– Я думаю, тебе стоит догнать своего Отелло и придумать объяснение своему поступку, желательно успешнее Дездемоны, – сказал мужчина, при этом ничуть не испугавшись, он по-прежнему очаровательно улыбался.

– Ты зря его не боишься, – Злате вдруг захотелось увидеть страх, растерянность или хотя бы замешательство в этих наглых красивых глазах. – Влюбленные мужчины способны на многое.

– Такие, как твой бычок, тюфяки способны лишь на тупое поклонение, ты сильно идеализируешь свой объект обожания, – грубо ответил он ей, не дав даже шанса насладиться его страхом.

Злата с силой залепила пощечину по все еще любимому лицу и побежала вниз по лестнице догонять Федора.

– Вы обещали гостиницу, – сопротивлялся Ян, не желая выходить из машины. – Я не согласен жить у ваших родителей в доме, в конце концов, я вас не знаю, а вдруг вы все здесь ненормальные.

– Можно подумать, ты нормальный, – парировала Валя, собирая по машине подарки, которые она купила для родителей подруги.

Они уже подъехали к такому родному для Киры дому, но по-прежнему продолжали спорить, сидя в машине. На самом деле Ян настолько устал, что уже готов был на любую кровать, пусть это будет даже гамак в саду, лишь бы рядом не было храпящей Валентины. Поэтому, для порядка повредничав, Янис все же вышел из машины. Дом бы похож на дом отдыха, в котором однажды ему пришлось отдыхать с родителями и братьями. Большие белые колонны при входе придавали строению помпезности, но какой-то местечковой – сейчас так не строили, стесняясь стиля советского импрессионизма.

– Это бывшая обкомовская дача, – пояснила Кира Яну, видя его немой вопрос. – Папа выкупил ее в девяностых и отреставрировал.

После ее объяснений стало понятно старомодное архитектурное решение.

– Мне уже все равно, – недовольно пробубнил Янис, – мне срочно необходимы душ и кровать. Желательно до встречи с вашими родственниками. Я, когда не выплюсь, очень недружелюбен, могу нахамить. А еще не забудьте, вы обещали съездить и купить мне приличные вещи. Мне кажется, что в этих я деградирую.

– Ну, это мы уже поняли, – весело сказала Валентина, нагружая его с ног до головы плетеными корзинами и пакетами, полными всяких разных продуктов.

По пути они заехали в магазины, в которых Валя накупила множество деликатесов, фруктов и разного вина.

– Зачем весь этот набор отдыхающего? – возмущался, стоя у машины, Янис. – Мне тяжело, возьмите и вы что-нибудь.

– Это не набор, это подарки, – поясняла Валентина, продолжая нагружать его пакетами. – Не могу же я приехать к своей любимой Ольге Леонидовне с пустыми руками.

– Как? И вы здесь будете жить? – испугался Янис, чуть не опустив руки.

– А вы хотели, чтобы я в туристический сезон пошла в гостиницу? – возмутилась Валя. – Вы еще и изверг, забыли, как я была к вам добра, забыли про плед? – пристыдила она его.

– Вы же кричали на весь Сочи, что местная! – защищался Ян.

– Они с родителями переехали в Москву в одиннадцатом

классе, – тихо сказала Кира Яну, – поэтому квартиры у Вали в Сочи нет, и это ее отдельная боль.

В интонации девушки было слишком много трагедии, которую Янис не понял, и поэтому так же тихо прошептал, пытаясь не уронить миллион пакетов и корзиночек, навешанных Валентиной:

– Я настаиваю, чтобы наши комнаты были как можно дальше. Вы вот знаете, что человек может умереть от недостатка сна?

– Не переживайте, – успокоила его Кира. – У нас толстые стены, их строили еще в советское время для спокойствия партийных боссов.

– Уверен, для Валиного храпа это не преграда, – возразил Ян.

– Я, между прочим, не храплю, – вытаскивая из машины очередную коробку, Валя услышала последние слова и возмутилась.

Янис с Кирой прыснули, и, чтобы не рассмеяться в голос, мужчина пошел к крыльцу, нагруженный вещами. Вдруг дверь резко распахнулась, из нее вылетел молодой человек, который, не ожидая преграды в виде Яниса и множества пакетов, сбил его с ног. Бутылки зазвенели, яйца хрюкнули, а клубника покатилась по наклонной вниз к морю.

– Вы сумасшедший! – закричал Янис. – Вы могли меня убить.

– Как? – прохрипел мужчина глупый вопрос, вглядываясь

в Яниса, но словно не видя его.

– Точно так же, как убили ни в чем не повинное каберне, – пояснил тот уже менее гневно, понимая, что мужчина не в себе.

В воздухе повис стойкий запах алкоголя. Мужчина помог Янису встать, но по-прежнему рассеянно смотрел на кроваво-красную лужу, растекающуюся по светлому тротуару.

– Точно, – хрипло произнес он, – я убью его, – сказал парень отчетливо, словно только что нашел долгожданный выход, принял какое-то трудное решение, которое давно искал.

– Федор, ты что наделал! – закричала красивая блондинка, выбежавшая на крыльцо следом. Увидев Яниса всего в отвратительных красных пятнах, растекшихся по футболке, она прижала руку ко рту: – Зачем ты побил бомжа?! – воскликнула красавица.

Янис оглянулся и, не увидев рядом ни одного побитого бедного маргинала, возразил белокурой богине:

– Ничего страшного, это всего лишь каберне, и, судя по аромату, оно было не лучшего качества.

– Фу, слава богу, вот вам деньги, купите себе новую бутылку, – и девушка с внешностью мультяшной Рапунцель безглаголиво протянула Яну мятую тысячу, которая, видимо, завалялась в ее кармане.

Мужчина по имени Федор по-прежнему продолжал смотреть на вино, которое некрасиво растекалось по тротуару, словно нарочно пытаясь нарисовать там отвратительную

кляксу.

– Кира! Валя! – златовласка увидела приближающихся подруг и бросилась к ним на шею, оставив замороженного Федора и растерянного Яниса, сжимающего в руках мятую тысячу. – Вы почему не предупредили, я бы встретила вас в аэропорту. Ну ладно, понятно эта бука, – она показала рукой на Киру, – но ты-то, Валенок, почему не позвонила?

– Мы приехали на машине, – сказала Кира, отлепляя сестру от подруги.

– Пойдемте, я познакомлю вас с моим женихом, – продолжала излучать радость и гостеприимство Злата. – Это Федор.

Но тот стоял, по-прежнему хмуро сдвинув брови, и не проявлял никаких эмоций.

– Мне не нравится, когда твоя сестра называет меня Валенком, – тихо пробурчала Валентина Кире.

– Она еще ребенок, – примирительно ответила Кира, – и пытается все делать, как старшая сестра. Синдром подражания.

– Никакой она уже не ребенок, – не согласилась с подругой Валя, – вон борова какого себе нашла. Станный он какой-то, – вдруг поменяла тему разговора Валентина, увидев взгляд Федора, – на маньяка похож.

– Все маньяки, по статистике, выглядят добропорядочными гражданами, – решила поспорить Кира, но остановилась, увидев, как Злата выгоняет ее жениха.

– Мужчина, идите уже отсюда, – задрал свой и без того

вздернутый носик, говорила девушка, – денег я вам не дам. Здесь и так больше, чем на одну бутылку.

Ян же в это время пытался собрать с земли пакеты, так живописно летающие по всему тротуару.

– Познакомься, Злата, а это мой жених Савелий, – произнесла Кира, подбежав к растерянному Янису.

– Это ваша сестра? – удивленно спросил Янис Киру, которая стала помогать ему собрать уцелевшую ягоду. – Вас что, в роддоме подменили?

– Имейте такт, – обиделась Кира, передумав ему помогать. – Я знаю, что она красивая, а я нет, но могли бы и не так откровенно этому поражаться.

– Мне кажется или ваша сестра приняла меня за бомжа? – прошипел Ян, уставившись в асфальт, видимо, стараясь не расплакаться от обиды. – Знайте, я сейчас жутко зол и даже покраснел от этого, просто сей факт не виден по причине того, что из-за глупости вашей подружки мое лицо полностью сгорело, а еще на мне надеты вещи чужого мужчины, а какой-то придурок сбил меня с ног, для полного счастья испачкав вином и клубникой.

Злата, поняв, что совершила непростительную ошибку, решила сделать вид, что ничего не случилось, и, просто отвернувшись от приехавших гостей, повисла на шее своего жениха. Тот не отталкивал невесту, но и не обнимал в ответ, продолжая по-прежнему пялиться на осколки. Именно на этой, честно скажем, неоднозначной ноте и прозвучал жен-

ский визг, сильный и истерический. Он несся откуда-то со второго этажа странного дома, где по причине лета все окна были распахнуты, и потому от визга закладывало уши и раздирало барабанные перепонки. Затрагивая все возможные децибелы звука, он не заканчивался, словно визжащему человеку не нужен был воздух, словно он выбрасывал ужас, поглотивший его, и никак не мог это сделать.

Москва. Май 1765 г

Как же нравилась Джакомо Москва, она была великолепна по сравнению с Петербургом, навевающим на венецианца тоску своими белыми ночами. Здесь же по-другому светило солнце и в каждом здании чувствовалась державность. Нет, Москва не переставала быть столицей. В Москве чувствовалась вековая стать, она, словно старшая сестра, дала поддержать скипетр и державу своему младшему брату, даже не думая отдавать тому власть. Когда, остановившись на постоялом дворе, Казанова поехал развозить рекомендательные письма, то звон колоколов чуть не оглушил его. Церкви и храмы здесь были повсюду. Они переливались на солнце, словно хвастаясь своими золотыми куполами и большими колокольнями.

В бывшей столице Джакомо понял, что тот, кто не видал Москвы, – не видал России, а кто знает русских только по Петербургу, не знает действительных русских. В Москве же и вовсе считают иностранцами жителей Северной столицы, а старый москвит ненавидит Петербург всем сердцем, считая его городом греха и богохульства. Казанова понял доподлинно, что Москва держится прошлого: это город преданий и воспоминаний, город царей, дочь Азии, весьма удивленная, что находится в Европе.

Люди в Москве тоже были лучше, питерцы Казанове ни-

сколько не понравились – они, по его мнению, были лишены душевности. В Москве, там люди оказались покладистее и в обращении свободны, а женщины – те даже красивее.

Хотя о женщинах ему сейчас думать не хотелось. Джакомо влюбился как мальчишка. Та, которая так быстро покорила его сердце, сейчас спала на белых простынях, а яркое московское солнце играло с ее волосами, делая их из пшеничных золотыми.

Он заметил ее, когда они с гвардейским офицером Степаном Зиновьевым были в Екатерингофе. Это была любовь с первого взгляда. Простая крестьянская девушка покорила венецианского франта своей природной красотой так, что он встал как вкопанный в невозможности двигаться дальше. Зиновьев громко посмеялся над приятелем и, как делали это русские, которые считали тебя своим другом, со всей дури ударил Джакомо в плечо.

– Понравилась? – хитро улыбнулся он и, не дожидаясь ответа, зашел в дом, куда ускользнула покорившая Казанову красавица, легкая и стройная, как козочка.

– Значится так, – минут через пятнадцать Степан Зиновьев вышел из избы и обратился к Джакомо, – ее отец хочет за нее сто рублей.

– За что? – все еще не понимал смысла сказанного венецианец.

– Согласен, дороговато, – помахал головой гвардейский офицер, – но отец утверждает, что девушка невинна, – при

этих словах он развел руками, показывая, что все по-честному.

– Если я заплачу за нее сто рублей, то она станет мне повиноваться? – осторожно уточнил Казанова у Зиновьева.

– Конечно, – без сомнения ответил тот.

– Сколько же я должен буду платить ей по русским законам? – все еще расспрашивал друга Джакомо, понимая, что согласится сейчас на все.

– Совсем ничего, – отвечал тот. – Нужно водить в субботу в баню, а по воскресеньям отпускать в церковь, вот и все послабления.

– А если я захочу увезти ее с собой из страны? – все еще пытал вопросам Зиновьева Казанова, не веря в происходящее.

– А вот это невозможно. Хотя... – протянул тот, – если только взять разрешение у императрицы.

Ударили по рукам, и, отсчитав сто рублей, Джакомо увез девушку к себе на улицу Миллионную, где снимал две комнаты. Казанова ни секунды не пожалел о своем приобретении. Девушка была ласковой и покладистой, шикарно смотрелась в нарядах, на которые не поскупился Казанова. Единственное, его сильно удручала невозможность поговорить с ней, но и здесь она проявила усердие и уже через три месяца могла сносно говорить по-итальянски. Его нигде не спрашивали о происхождении спутницы и принимали наравне со всеми, ее же это трогало и забавляло, за что она не уста-

вала его благодарить. Рядом с ней Джакомо чувствовал себя вершителем судьбы. Наверное, именно поэтому Казанова назвал ее Заирой, как прекрасную рабу султана в трагедии Вольтера.

В нос ударил запах сдобы, добравшийся из кухни до их комнаты. Это еще одно удивление Казановы в Москве – здесь постоянно готовили пищу. Три повара в частном доме были заняты так же, как рестораторы Парижа. Люди же считали себя обязанными есть на всех этих трапезах, которые зачастую без перерыва продолжались до самой ночи.

Аппетитные запахи, видимо, разбудили и Заиру – она вздрогнула ресницами и открыла свои огромные голубые глаза, в которых Джакомо тонул каждый день.

– Бонджорно², – произнесла она своими мягкими губами.

От ее желания угодить ему и непременно говорить по-итальянски у видавшего всякое венецианца пробежали мурашки по коже, и он понял, что этот русский ангел – спасение его души, которая уже и не надеялась на счастье.

* * *

В огромном зале с колоннами, который был празднично украшен белыми и золотыми шариками, а также атласными лентами, стояла смуглая девушка и визжала, глядя в одну

---

² От *ит.* Bungiorno – добрый день!

точку. По странному стечению обстоятельств Янис, не зная дома, оказался там первым. Он бежал на жуткий крик, не задумываясь о лестницах, коридорах и о том, что это, в принципе, чужой для него дом. Ему хватило секунды, чтобы понять, что с девушкой все в порядке, он обнял кричащую и насильно отвернул ее от отвратительного зрелища. На полу рядом с большой клеткой лежали мертвые голуби. Их шеи были неестественно выгнуты, словно хладнокровный палач сворачивал этим бедным птицам их маленькие головы. Следом за Янисом в зал вбежали Кира и Валя и, ахнув, встали как вкопанные, тоже поразившись увиденному.

– Мамочка! – крикнула от дверей, даже не проходя дальше, Злата и уткнулась в грудь своего жениха, подбежавшего следом.

– Ничего страшного не случилось, – попытался успокоить женский хор вздохов, всхлипов и нытья Янис. – Возможно, у них мор начался. Знаете, экология сейчас ни к черту.

Конечно, он прекрасно видел сломанные шеи красивых птиц, но надо было ослабить накал страстей.

– Что у нас здесь произошло? – эффектная дама, высокая, с короткой стрижкой черных как смоль волос, зашла в зал, затягиваясь на ходу сигаретой. – Айгуль, – проигнорировав остальных, она подошла к всхлипывающей девушке, которую обнимал Янис, и, оторвав ее от чужого мужчины, обеспокоенно спросила: – Он что, обидел тебя? Кто этот бродяга?

– Говорил я вам, что меня надо одеть, – сказал Янис Кире

и Вале, которые по-прежнему стояли, глядя на бедных голубей.

– Вот вечно ты не вовремя со своими претензиями, – ответила ему Валентина. – Оденем мы тебя завтра, не переживай.

– Завтра! Вы сдурели, я не выживу в штанах вашего мужа. Они мне жмут, – возмутился Янис, но, вспомнив, что они ему велики, поправился: – Морально.

– Не ври, – оборвала его Валя, – мораль свою ты оставил на моей груше.

– Гуля, – обратилась Кира к красивой девушке с азиатской внешностью, – кто это сделал?

– Я зашла, – почти успокоившись, ответила она, – а они лежат. А вон тот, – она указала пальцем, – еще крыльями шевелил.

Видимо, вспомнив ужасное зрелище, девушка вновь расплакалась – в унисон со Златой, которая так и не решилась подойти поближе, а по-прежнему стояла, уткнувшись в грудь своему жениху у входа в зал.

– А это кто? – не фокусируясь на птицах, а тыкая в Яниса пальцем, вновь спросила грозная дама, не выпуская сигарету из зубов.

– Это Савелий, жених Киры, – громко сказала Валентина вместо растерявшейся подруги. – Между прочим, доцент. Здравствуй, тетя Нора, – запоздало поздоровалась она.

– Да? – удивленно уточнила грозная дама и презрительно

ухмыльнулась. – А по нему так и не скажешь, что доцент.

– Правда, мой жених, – неуверенно подтвердила его статус Кира.

Идея с псевдо-Савелием ей нравилась все меньше и меньше, и она уже была не уверена в правильности плана подруги, но отступать от него все же не решилась. Так было всю жизнь: хулиганистая Валентина, способная на рискованные поступки, втягивала трусливую Киру в разного рода авантюры, из которых выбираться приходилось уже вдвоем.

– Тетя Нора, не обращайтесь внимания, это он у нас по дороге истрепался немного, – вступилась за Яниса Валя. – Ехали почти сутки, я вон тоже сама на себя не похожа, – в этот момент она поправила свои почти идеальные белые кудри и не менее идеальную грудь четвертого размера.

– Ну ты, Валентина, даже истрепанная шикарна, – растаяла тетка, выпуская дым. – Ну здравствуйте, девочки.

Она подошла и поцеловала по очереди Киру и Валу, затем, отодвинув нервную девицу по имени Айгуль, протянула руку Янису.

– Приветствую вас. Я родная тетя Киры, но предлагаю перейти на ты и по имени, Нора. Сразу скажу, много о вас слышана и мечтала познакомиться.

Было видно, что женщина в принципе любит кокетничать с мужчинами и неважно, какая у них разница в возрасте. Такие женщины не стареют и всегда считают себя жутко привлекательными.

– Приятно познакомиться, – произнес Янис, прикладываясь поцелуем к ухоженной руке Норы. – Принимаю предложение, я Ян.

– Странное производное от Савелия, – усмехнулась Нора, цепко разглядывая приехавшую троицу.

– Ты неправильно поняла, – быстро сообразила Валя, пока Кира стояла и краснела, – Савелий просто заикается. Это он начал представляться и застрял на местоимении. Правда, Савелий? – сказала она, настойчиво вглядываясь в не менее растерянного Яниса. Для приведения его в чувство Валя подошла и незаметно ущипнула мужчину.

– Да-да-да, – начал тут же говорить он, по-дурацки кривляясь, – я-я-я-я Савелий. У меня так всегда: все говорю нормально, но перед именем запинаюсь.

– Да вы что? – продолжала улыбаться Нора.

– Детская травма, – с сожалением констатировал он, не зная, что еще сказать. Кира помогать ему не собиралась, предчувствуя провал и уже перебирая в голове оправдания. Валентина же делала это очень явно, даже немного переигрывая.

– Поделитесь? – продолжала пытаться Нора.

– В следующий раз, – клятвенно пообещал Янис и, решив перевести тему, спросил: – У вас тут кто-то казнил голубей. Не знаете кто?

– Без понятия, – ответила Нора. – И вообще, откуда здесь эти твари?

– Ну сейчас-то уже да, – согласился Янис, – но при жизни, я думаю, были милые птички.

– Это я принес, – сказал Федор, продолжая обнимать невесту. – Мы со Златой хотели запустить их завтра в небо в знак нашей любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.